

Долгое прощанье

Вот мы и прощаемся. В последние годы Виктор Семенович Фельдман плохо видел и плохо слышал. Но достаточно хорошо для того, чтобы различать желаемое и действительное, правду и ложь, достойное и недостойное. До последнего дня он сохранял острый аналитический ум, выдающуюся память, неколебимую бодрость духа, мягкую иронию в сочетании с врожденной доброжелательностью.

После кончины Ольги Юдовны Ноткиной мы частенько наведывались в Воронцовский переулок вдвоем с Еленой Викторовной Полевщиковой, заведующей отделом редких изданий и рукописей НБ ОГУ, любимицей Виктора и Ольги. Следом за

первыми приветствиями и расспросами следовала неизменная формулировка хозяина: "Скажите мне что-нибудь хорошее". Мы прекрасно понимали суть этой просьбы-предложения высказаться. Речь шла вовсе не о том, чтобы нахваливать Фельдмана, восхищаясь его негибкостью, остроумием или эрудицией: на откровенную лесть он реагировал язвительно, ернически. Виктор Семенович лишь желал знать, движется ли мир в нужном направлении, от невежества и пошлости к просвещенной цивилизованности и гуманизму. Его, конечно, в первую очередь интересовали те аспекты означенной эволюции, к которым он имел непосредственное отношение: гуманитарные науки и гуманитарная политика. Избранные новости воспринимал равнодушно, по-юношески эмоционально, горячо, иной раз даже запальчиво.

Каждый шаг давался ему с трудом, но он и в такой безотрадней ситуации находил удовольствие гордиться тем, что на 93-м году без посторонней помощи совершил поход (называл это переходом Суворова через Альпы) на кухню и назад. Несоразмерно большее наслаждение доставляла ему, например, позитивная информация о воссоздании памятника Основателям Одессы. "Все-таки дождалась праздника на нашей улице, черт

возьми!" — восклицал с энтузиазмом. Виктор Семенович возрадовался настолько, что не готов был поверить в правдивость нашего сообщения. Ему в какой-то момент, должно быть, показалось, будто весь сюжет специально сочинен и разыгран в лицах, дабы только ему потрафить. Ведь проверить и изобличить нас он не мог, ибо квартиры давно не покидал. Убедили, главным образом, чудовищно нелепые реплики противников восстановления монумента, услышанные им по радио и даже ретранслированные саблезубыми "друзьями" по телефону.

Порой мне казалось: Фельдман не слышит того, чего не желает слышать, того, что умножает мировое зло. Его мало занимали громогласные замечания относительно дежурных политических веяний, продажности общественных деятелей, о разного рода проходимцах, в том числе катастрофически претендующих на ученый авторитет. Зато он превосходно распознавал тембровые оттенки негромкого голоса Елены Викторовны, повествующей о наших с ней архивных разысканиях, новых ракурсах исследования именных книжных фондов, новых библиографических находках и публикациях.

В своей произвольной и непроизвольной невроизоляции Фельдман, как и в самые свирепые годы, оставался по-своему независимым и умиротворенным. Эту умиротворенность, однако, нельзя определить как приторную благость. Согласие с собой никогда не лишало его праведной задиристости и небезопасного (в первую очередь, для него самого) прямодушия. Фельдман был, что называется, человеком с незапятнанной совестью, самодостаточным, мог позволить себе не заботиться о репутации и выбирать авторитетов в соответствии исключительно с собственными представлениями и убеждениями.

Виктор Семенович пережил Ольгу Юдовну ровно на 11 месяцев, и эти месяцы дались ему, мягко говоря, непросто. Притом, что всякую минуту он был окружен трогательной заботой близких, невероятно преданных детей Семена и Ирины, внуков, правнуков, друзей, коллег, учеников, почитателей, журналистов. Он доживал, изо всех сил сохраняя человеческое достоинство, величайшее мужество, выправку и галантность кавалера. И делал это не для себя — для окружающих, оберегая их покой.

По сложившейся традиции, каждый год, 31 декабря, мы — Саша Розенбойм, Семен Вайнблат, Миша Пойзнер и я — приходили к Фельдману и Ноткиной. Мы знали: если повидаемся, новый год задастся, поскольку уж точно подзарядимся здесь жизненной энергией. Нас ожидали с радостным нетерпением. Хлебосольная супруга Семена Викторовича Ирина го-

варивала: "Мушкетеры пришли". Стол был заблаговременно накрыт милыми сердцу коренного одессита закусками. Виктор Семенович до последнего не упускал случая пропустить здоровую крепкую рюмочку. Если б эти посиделки запечатлелись хотя бы на видео! Сколько неповторимых живых сюжетов в исполнении Фельдмана можно было бы воспроизвести: он был блистательным рассказчиком, как принято говорить, Иракий Андроников отдыхает. Вот и 31 декабря 2007-го, за несколько дней до кончины, Фельдман пребывал в обычном своем доброжелательно-ироническом расположении духа, лучился каким-то зыбким рождественским светом, энергично рассказывал сногшибательную историю, приключившуюся с ним после демобилизации в 1942 году.

Чем дольше живешь, тем больше обретаешь, и соответственно, тем больше теряешь. Уход зрелого и даже очень зрелого человека — драма не менее сокрушительная, нежели гибель не реализовавшегося, не пожившего юноши. И чем дольше и правильнее жил человек, тем больше людей его теряет, тем масштабнее и невосполнимее эта утрата. Все это довольно тривиально, но как-то ускользает из сознания в суматохе будней. На панихиде говорил еще: ощущение сиротства тоже никак не связано с возрастом. Можно осиротеть равно в юности и старости. Вот и я осиротел: пожилой несознательный мальчик.

Виктор Семенович и Ольга Юдовна любили меня так, как любят даже не родители, а как бабушка с бабушкой — беззаветно, всепрощающе, непедagogично. Когда звонил, что собираюсь их навестить, настаивали: "Олежек, непременно возьмите с собой сумку-каталку". Сопrotивляться было бесполезно, и я возвращался к домочадцам с изрядным запасом продовольствия — от круп, муки и консервов до чая, конфет и спиртного. А какие библиографические раритеты с пронзительными дарственными надписями ими преподнесены по разным поводам и без оных — словарь одесских знакомых Пушкина М.П. Алексеева, "одесский том" маркиза де Кастельно, каталог Всемирной выставки 1900 года в Париже и т. д. и прочее! Они знали обо мне и моих делах (потому что искренне хотели знать) куда больше других, были единственными моими родственниками и конфидентами по сию сторону Атлантики. Я любил их — как умел. Виновато подозреваю, что они умели лучше.

Такие утраты корректно называть вероломными. И если они должны чему-либо научить, то, думаю, лишь одному: пока мы живы, надо относиться друг к другу с нежностью, лелеять, нежить, прощать, согревать близких людей, любить, если позволительно так выразиться, с нарастаю-

щим итогом. В соответствии с текстом Окуджавы: "Давайте жить, во всем друг другу потакая, тем более что жизнь короткая такая". Что касается далеких, перед ними всегда открыта перспектива роста, от неизменно завистливого невежества к просвещенности и гуманизму, возможность приблизиться один к другому на расстояние не удара, а рукопожатия и, кто знает, объятия.

Я хочу прощаться с Виктором Семеновичем долго, столько, сколько сумею порывисто дышать. Чтобы себя переиначивать, смягчаться, становиться все более терпимым, толерантным, чтобы с оглядкой на него поощрять близких, далеких, самого себя к эволюции в верном направлении. И ничего другого не остается.

Олег ГУБАРЬ

